то прихотливые фигуры, то совершенную форму квадрата. Кстати говоря, издание было типографским шедевром, типографской неожиданностью своего времени.[29] Гравюры были выполнены по рисункам Тильмана Гамерини (1630—1706 гг.), голландца по национальности, придворного архитектора С. Х. Любомирского, считающегося крупнейшим архитектором в Польше во второй половине XVII в. В переводе, правда, лишь в двух из просмотренных нами списков (ГПБ, Q. XIV. 24 и списке Казанского университета, № 21395) тщательно перерисованы с двукратным увеличением все 16 гравюр оригинала, в том числе и с фронтисписа.

Что можно сказать о жанре рассматриваемого произведения? Пока не удалось обнаружить каких-либо сведений о восприятии перевода на русской почве. Данными, которые обычно используются при изучении рецепции любого произведения,[30] мы не располагаем. Единственно, из чего мы можем исходить, — это только из самого факта перевода, что обрекает нашу реконструкцию восприятия на неполноту, несмотря на то что перевод, даже такой пословный, как наш, это уже интерпретация и самая прямая форма комментария. Поэтому, избегая дефинитивности, попытаемся определить направление, в котором шло изменение (если таковое было) жанра. Этот момент мы акцентируем потому, что в изучаемую, как и в предшествующую, эпоху жанр определял стиль восприятия.[31]

Необходимо сделать следующую оговорку. В данном случае положение осложняется тем, что мы не имеем генологических указаний в переводе. Например, в театральных адаптациях польских поэм XVII в. («Дафны» С. Твардовского, «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо—П. Кохановского) в петровскую эпоху указание есть уже в заглавии — «действо», «диалог», налицо была и жанровая трансформация. С переводом «Притч» сложнее. Вряд ли «притчи» указывают определенно на жанр (само такое указание было бы неопределенно). По нашему мнению, это попытка, и довольно удачная, перевода заглавия «Abverbia moralia» (дословно «нравоучительные наречия» или «присловья»). Видеть в переводе «Притч» некие русские элогиумы нет оснований и прежде всего потому, что уже теоретики XVII в. писали о том, что на национальных языках элогиумы невозможны, возможно лишь использование элогиального стиля.[32] Это подтверждается, кстати, тем, что в русской поэзии XVII в. нам известно одно стихотворение

---

[29] *Pollak R.* Od Renesansu do Baroku, s. 259, przyp. 48. Польское издание (перевод Лапчинского) выглядит гораздо беднее. Оно набрано одним шрифтом, нет в нем и гравюр.

[30] Примерный обзор их и характеристику см.: *Głowiński M.* Style odbioru. Kraków, 1977, s. 116—137.

[31] См.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979, с. 55—79, особенно с. 62—67.

[32] *Otwinowska B.* Elogium..., s. 172—174. Ср.: *Панченко А. М.* Протопоп Аввакум как поэт. — Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 38, 1979, № 4, с. 300, прим. 1.